

— Этот ребенок с детства остался без родителей, и в сердце у него всегда была какая-то незаживающая рана. Но теперь, похоже, он отпустил это.

Взгляд бабушки Чжан был наполнен ностальгией. Ее старший сын был действительно очень почтительным сыном.

Чжан Шу совершенно не догадывался, что старики так о нем отзываются. Когда он добрался до окраины деревни, там еще почти никого не было. Он нашел каменную скамью, сел и стал осматриваться.

Вскоре кто-то остановился перед ним.

— Эй, парень, о чем задумался?

— Лайван-гэ? — Увидев пришедшего, Чжан Шу обрадовался. Теперь ему не придется оставаться наедине со старостой, ведь он не особо умел находить темы для разговора.

— Да, ты, наверное, не знаешь, но это я предложил старосте, чтобы ты занимался подсчетами, — Лайван провел с ним больше десяти дней и знал, что тот быстро считает и обладает отличной памятью.

Этот парень умел быть благодарным. Раньше он брал с собой многих на работу, но никто даже куриную ножку ему не предлагал. Даже когда проходил мимо некоторых домов, ему не наливали и полчашки воды. Конечно, потом он таких людей больше не брал.

Он не был святым и не обладал безграничной добротой, чтобы тянуть за собой других, когда сам едва сводил концы с концами. Зачем он брал людей с собой? Просто надеялся, что кто-то вспомнит его доброту и в трудную минуту сможет за него заступиться.

Ту половину курицы, что он принес домой, его родители, супруг и сын съели с огромным удовольствием. Видя это, он почувствовал странное чувство. Единственный раз, когда они ели курицу не в праздник, был благодаря Чжан Шу.

Поэтому, когда староста заговорил о том, кто будет заниматься подсчетами, он сразу предложил Чжан Шу.

— Вот я и думаю, откуда староста знал, что я умею считать. Спасибо тебе, Лайван-гэ. Как-нибудь наловлю рыбы в реке и угощу тебя обедом, — Чжан Шу чувствовал себя с ним свободнее. На самом деле он умел шутить, но иногда слова застревали у него в горле. Сейчас он заставил себя сказать то, что хотел.

— Тогда я буду ждать этого обеда, ха-ха, — Лайван громко засмеялся, а подошедшие люди, услышав шум, стали собираться вокруг. Внезапно место, где стоял Чжан Шу, стало центром внимания.

Оглядевшись, он заметил, что большинство пришедших были теми, с кем он раньше работал по найму. Это немного расслабило его, и он стал смелее разговаривать с ними.

— Все уже в сборе? Почему вы все тут столпились? — Раздался властный голос старосты, и толпа сразу же рассеялась.

— Как и в прошлый раз, вы отвечаете за доставку телег в зернохранилище. На телегу — по два человека. Погрузили и в путь, ждите нас там. Чжан Шу пойдет со мной, мы будем взвешивать

зерно по домам.

— Кстати, я договорился со стариком Ли возле зернохранилища. Передохнете у него, больших пирожков с начинкой хватит на всех!

Голоса деревенских жителей звучали радостно. Все говорили, что староста щедр. После того как ели желтые и черные лепешки, такие пирожки были настоящим лакомством!

Бесплатное угощение всегда радует. На самом деле никто не хотел выглядеть жадным из-за нескольких медяков, но что поделать? Бедность!

Чжан Шу пошел за старостой к первому дому. Там их уже ждал внук, который, увидев старосту, громко закричал:

— Дедушка, староста пришел!

Вскоре вышел старик, неся в руках тяжелый мешок, набитый зерном. Он шел, часто останавливаясь, чтобы перевести дух, и выглядел очень уставшим.

Чжан Шу подошел и с легкостью поднял мешок, поставив его у входа.

В глазах старосты мелькнуло одобрение, но быстро исчезло. Люди, толкавшие телеги, достали большие весы, коромысло и веревку.

Они ловко привязали веревку к горловине мешка, зацепили крюком весов, просунули коромысло, и двое мужчин подняли его. Староста посмотрел на весы.

— Чжан Шу, запиши: всего семь доу и один шэн риса.

Чжан Шу взял учетную книгу, которую дал ему староста, и заостренным углем записал: Ли Гэньминь, семь доу и один шэн риса.

— Старик, в этом году продать столько хватит? — Староста завел с ним разговор.

— Хватит, хватит, — лицо старика расплылось в улыбке, похожей на цветок хризантемы. — В этом году младший сынишка порадовал, денег заработал, на налоги как раз хватит. Не придется столько зерна продавать.

Меньше продажа зерна означала, что семья живет лучше, и ей не нужно влезать в долги. Староста тоже был рад. Занимая этот пост, он всегда думал об общем благе. Он больше всех желал, чтобы его односельчане жили хорошо.

Мужчины погрузили мешок на телегу и пошли за старостой к следующему дому. У некоторых продавали мало, у других вообще не было зерна для продажи, но были и те, кто продавал почти половину урожая.

В такие моменты лицо старосты становилось мрачным.

Проходя мимо дома Чжан Шу, староста для виду спросил, но все знали, что семья Чжан Шу жила лучше всех в деревне.

Когда они приблизились к дому Ли Муцзиня, сердце Чжан Шу начало биться чаще. С тех пор как он подарил ему шпильку, они еще не виделись. Взволнованный Чжан Шу даже не подумал, что прошло всего лишь день.

Семья Ли Муцзиня были охотниками, и у них не было лишнего зерна для продажи. Их маленький участок земли едва обеспечивал их семью, и большую часть времени им приходилось покупать еду.

Староста просто спросил через забор, и, получив ответ, что зерна не продают, пошел дальше. Он не мог задерживаться, ведь в этот день нужно было обойти больше десятка домов.

К тому времени, как сбор зерна закончился, уже приближался полдень. Староста вспомнив, что те, кто гнал телеги, уже ушли, решил не возвращаться домой, а вместе со всеми отправиться на встречу с ними.

Зернохранилище находилось в их городке, примерно в часе ходьбы от деревни. Сюда приезжали продавать зерно из нескольких больших деревень, поэтому, хотя здесь было не так оживленно, как в уездном городе, народу все равно было много.

Когда Чжан Шу и остальные прибыли, те, кто уехал раньше, уже долго ждали. К счастью, рядом с закуской старика Ли росло два-три больших дерева, которые давали тень.

Староста подошел, взял чашку чая, которую ему налили, и выпил залпом. Затем снял шляпу и начал обмахиваться ею.

— Сегодня слишком жарко.

— Да, в эти дни продажи зерна всегда выматывают от жары.

— Чжан Шу, иди попей водички, съешь пару пирожков, — за полдня староста остался очень доволен этим молодым человеком, который не слишком много говорил.

Чжан Шу сел, выпил несколько больших глотков чая и съел четыре или пять пирожков. Закончив, он заметил, что все смотрят на него, и только тогда понял, что, кажется, съел слишком много.

Пирожки были размером с кулак взрослого мужчины. Обычно хватало двух, а даже крепкие мужчины наедались четырьмя. Чжан Шу съел пять и, похоже, еще не был сыт.

— Э-э, кажется, я перебрал с едой, — смущенно произнес Чжан Шу.

— Ничего, парень в самом расцвете сил, пусть ест. Больше беспокойся, если не станет есть, а не если съест лишнего.

Окружающие мужчины засмеялись, их лица выражали добродушное подшучивание, но никто не проявлял пренебрежения или раздражения.

Когда все поели, староста велел остальным следить за зерном, а Чжан Шу взял с собой.

В зернохранилище был чиновник, отвечающий за прием зерна, и четыре-пять помощников. Они как раз обедали, на столе стояло шесть блюд, включая рыбу и мясо, а также кувшин вина.

Увидев старосту, главный чиновник воскликнул:

— О, шурин пришел, проходи, садись.

Староста кивнул и спросил:

— Как Юннян? Как там парень Цян?

— Да все хорошо, вот только читать не любит. Вот бы как Чэн, в уездное училище пошел, я бы тогда от радости помер.

Чиновника звали Ду Мин, он был младшим братом жены старосты Ли Дэшэна. Староста женился на его сестре Ду Лижун, у них было трое детей: сыновья Ли Чэн и Ли Синь, и дочь Ли Сяомэй.

— Ну что ты, парень Цян еще большой человек вырастет, голова у него сейчас как варит!

Они обменялись несколькими комплиментами, а затем перешли к делу, обсудив продажу зерна. Ду Мин улыбнулся и сказал:

— Как поедим, тут же ваш деревенский урожай и взвесим.

Везде, где есть связи, дела идут легче. Староста и его люди вклинились в очередь, и хотя некоторые были недовольны, они не могли ничего поделать. В конце концов, в свободное от полевых работ время цена времени невысока.

Мешок за мешком высыпали, и все зерно собрали в одну кучу. Помощники чиновника измерили его специальными мерками, и в итоге получилось десять дань, пять доу и два шэна пшеницы.

<http://bllate.org/book/16721/1537310>